

В. И. Пефтиев

Франция в поэзии М. Волошина и К. Бальмонта

В статье анализируется восприятие культуры Франции в творчестве М. Волошина и К. Бальмонта – выдающихся представителей Серебряного века в России. Предложена трехактная модель раскрытия темы: а) хронотоп повседневности в Париже начала XX в.; б) переводы французских поэтов; в) авторские размышления о символизме, о месте Франции в истории Европы. Подтверждено, что символизм в поэзии и близкие ему понятия (модернизм, импрессионизм) – течения (вернее, ветви) общемировые, имевшие ранние истоки, корифеев и поздних последователей в США (Э. По), Великобритании (П. Шелли), во Франции (Ш. Бодлер) и еще множество неназванных имен. Общий хронотоп в Париже не смог нивелировать различия творческих стилей: М. Волошин – «вне течения»; К. Бальмонт примыкал к символизму (в широком самоопределении). Восприятие зарубежной культуры, видимо, почти всегда структурировано с уникальным сочетанием идеально-риторического и заземленного. Обнаружен разительный контраст в тональности восприятия текущего и бывшего в жизни М. Волошина и К. Бальмонта в Париже.

Ключевые слова: поэзия Серебряного века, восприятие культуры Франции, М. Волошин, К. Бальмонт.

V. I. Peftiev

France in M. Voloshin and K. Balmont's Poetry

In the article perception of French culture in M. Voloshin and K. Balmont's creativity, outstanding representatives of the Russian Silver Age is analyzed. The three-act model of subject disclosure is offered: a) a daily occurrence chronotope in Paris of the beginning of the 20th century; b) translations of French poets; c) the author's reflections about symbolism, the place of France in the history of Europe. It is confirmed that symbolism in poetry and concepts close to him (modernism, impressionism) – currents (more true: branches) universal, having early sources, coryphaeuses and late followers in the USA (E. Po), Great Britain (P. Shelley), in France (Che. Baudelaire) and a number of unnamed names. The general chronotope in Paris couldn't level distinctions of creative styles: M. Voloshin – «out of a current»; K. Balmont adjoined symbolism (in broad self-determination). Perception of foreign culture, probably, almost always structured with a unique combination of ideal and rhetorical and grounded parts. A striking contrast is found in the tonality of perception of current and former in M. Voloshin and K. Balmont's life in Paris.

Keywords: Poetry of the Silver Age, perception of French culture, M. Voloshin, K. Balmont.

Парижа я люблю осенний, строгий плен.

М. Волошин

Серебряный век в России богат на таланты и в отдельности, по каждой знаменитости, и по всей литературной галактике. Осознаем эфемерность отличия таланта от гения и не вторгаемся в бесплодные дискуссии о том, кто, кого и в чем опередил. В соответствии с замыслом статьи из когорты Серебряного века выделяем Максимилиана Волошина и Константина Бальмонта. Доводы за этот выбор не только субъективные, но и, на наш взгляд, основательные: оба путешественники (не туристы)¹ по Европе и за ее пределами (две или три кругосветки К. Бальмонта). Незгладимые впечатления фиксировали глаза, уши, ходьба пешком (М. Волошин в Испании). Эрудиты по самому строгому гамбургскому счету. Подолгу жили в Париже, знакомы не понаслышке с бытом, событиями и интригами тогдашнего Парижа, а то и провинции (Бретань – для

К. Бальмонта). Нескончаемые встречи с французскими коллегами и русским миром в Париже.

За XX век творческое наследие этой поэтической дуополии знало неумеренные восторги и открытое отчуждение, живые и меткие отклики и идеологические запреты (табу). Событийная «пыль» наконец-то улеглась, а авторские амбиции канули в вечность. И ретроспективный взгляд на этих титанов поэзии, надеемся, позволит обнаружить новые страницы в их жизни и судьбе. Одной из таковых считаем «французский след», точнее, восприятие русскими европейцами Франции. Алгоритм анализа «французского следа» включает три шага: а) коммуникации и повседневность в Париже; б) переводы французских авторов как мосты между культурами; в) авторские размышления о Франции, ее поэзии, культуре, истории.

Статья базируется на текстах М. Волошина и К. Бальмонта разных лет (от 1900 г. и до конца 20-х гг. XX в.). Учтены различия позиций состава

вителей (авторов вступительных статей и комментариев) по отбору стихов и прозы для презентации читателям и исследователям. Бесценны документальные повествования по М. Волошину и К. Бальмонту [16, 17, 19]. Не забыты и воспоминания современников (pro et contra) [13, 14].

Максимилиан Александрович Волошин (1877–1932), по-домашнему Макс. Родился в Киеве: отец коллежский советник, член судебной палаты (предки из запорожских казаков); мать – из обрусевших немцев с XVIII в. (в девичестве Глазер). Год спустя после рождения Макса семья переезжает в Таганрог. Разрыв отношений между родителями вызывал частые переезды матери с сыном (Севастополь, Москва, Феодосия). Исключался и восстанавливался на юридическом факультете Московского университета. 20 марта 1901 г. приезжает в Париж. Путешествия чередуются с поездками в Москву и Петербург. 25 марта 1916 г. навсегда покидает Париж и Европу. Турбулентно месяцы и годы пребывания в Крыму и редкие поездки в обе столицы. 12 августа 1932 г. погребен на горе Кучук-Енишар в Коктебеле.

В длительной эмиграции маршрут Париж – Коктебель – самый значимый в судьбе и творчестве М. Волошина. «Мой дом Коктебель и Париж, – везде в других местах я только прохожий», – писал он [14, с. 335]. В 1904 г. Парижу посвящен отдельный цикл стихов [10]. Прочитую наиболее вдохновенные отрывки:

В дождь Париж расцветает,
Точно серая роза...
Шелестит, опьяняет
Влажной лаской наркоза.
Февраль 1904 г. [10, с. 38]

Закат сиял улыбкой алой,
Париж тонул в лиловой мгле.
В порыве грусти день усталый
Прижал свой лик к сырой земле.
И вечер медленно расправил
Над миром сизые крыла.
И кто-то горсть камней расплавил
И кинул в жидкое стекло.
Лето 1904 г. На Сене близ Медона
[10, с. 40]

В Париже стихи рождались произвольно, легко и образно:

Танцуют слова, чтобы вспыхнуть попарно
В влюбленном созвучьи.
Бальмонту. 1904 г. [10, с. 45].

М. Волошин не скупится на звучные слова в адрес Парижа: «Город-змея. Твой образ – Слава»

[10, с. 37]; «Город умственных похмелей / Город призраков и снов» (до 6 января 1904 г. Из стихотворения, не вошедшего в авторские книги [10, с. 164]).

И в последующие годы всплывали воспоминания о Париже и поэтическое вдохновение оставило неповторимые строки. «Парижа я люблю осенний, строгий плен...» (1909). Нельзя не упомянуть заземленный афоризм: «Функция Парижа – засеменение идей» [14, с. 353]. Вячеслав Иванов уловил уникальную миссию Макса Волошина: «Париж через тебя начинает говорить» (1908).

Хронотип повседневности Макса Волошина не везде и не всегда поддается локализации и идентификации. Но многое известно по автобиографической прозе и воспоминаниям современников: регулярное посещение Национальной библиотеки (родной дом Лувра), лекций в Сорбонне и Высшей русской школе, музеи, музеи и еще раз музеи, жаркие споры в мастерской художницы Е. С. Кругликовой. В конце сентября 1902 г. знакомство с историком и социологом М. М. Ковалевским. Увлечение буддизмом и антропософией Р. Штейнера. В редакции парижского журнала «Перо» (La Plume) знакомится с Э. Верхарном, О. Мирбо, О. Роденом и др. (1904). Пишет статьи по литературе и искусству для российских газет и журналов («Московская газета», «Русь», «Русская мысль» и «Вестник Европы», «Биржевые ведомости»). Часть этих публикаций вошла в книгу «Лики творчества» (1913). В Париже начинается бурный роман с М. В. Сабашниковой (1904) и завершается разрывом отношений (1907). Здесь названы лишь самые крупные вехи и великие персоналии в экзистенциальной тропе М. Волошина.

М. Волошин не мыслил своего существования без переводов французских и франкоязычных авторов. Он вникал в дух и букву «чужих» текстов как в европейской миграции, так и в Советской России (20-е гг.). Внимания М. Волошина удостоились стихи Альфреда де Мюссе, Шарля Бодлера, Жозе Мариа де Эредиа, Поля Верлена, Стефана Малларме, Пьера Луиса. Одни поэты были известны в России, а другие оказались в тени (Поль Клодель, Поль де Сен-Виктор, Анри де Ренье). Открытие французской поэзии в ее многообразии – несомненная заслуга М. Волошина. Затворничество в Коктебеле давало отдушину в переводах В. Гюго (1921) и Г. Флобера (1930).

Размышления о Франции и французах рассеяны по всему корпусу сочинений М. Волошина. Их тональность и содержание менялись в контексте

истории и зигзагов личной судьбы, поэтому предпочтительно соблюдать хронологический порядок с краткими комментариями. Первое путешествие по Европе втроем (В. Ишеев, Л. Кандауров, А. Смирнов, 1900 г.). Впечатления отражены в «Журнале путешествий, или сколько стран можно посетить за полтора рубля». Друзья побывали в Австрии, Германии, Италии, Греции. Тогда же, на стыке двух столетий, утвердился порыв: «... в Париж, на много лет, – учиться художественной форме – у Франции, чувству красок – у Парижа, логике – у готических соборов, средневековой латыни – у Гастона Париса, строю мысли – у Бергсона, скептицизму – у Анатоля Франса, прозе – у Флобера, стиху – у Готье и Эрредиаана» [9, с. 23]. Очарование Францией и французами. Далее идут дневники (с 1904 г.), «История моей души» и «Лики творчества» с россыпью наблюдений об увиденном и прожитом².

Резюмируем наиболее познавательное и для читателей XXI в. Лики и Маски Парижа. «Французы не стыдятся обнажать свое тело, но в них заложен непреодолимый страх обнажения духа, который мы никогда до конца даже и понять не можем»... «Маски с головы до ног». «Набеас согрус – священное завоевание индивидуального духа» [9, с. 93–94]. И завершающий вывод: «Францию приходится принимать со всеми ее несовместимостями. Это свойство гениальных рас. В иступленном горении этих противоречий лежит ее жизнеспособность» [9, с. 186]. В «Истории моей души» (дневниковые записи до 1916 г.) обнаруживаем философски зрелую, хотя и спорную мысль: «Все науки человечества, все его знания должны стать субъективными – превратиться в воспоминания. Человек должен суметь развернуть свои мозговые извилины, в которых записано все, и прочесть всю свою историю изнутри. ... Мы заключены в темницу мгновения. Из нее один выход – в прошлое. Завесу будущего нам заказано подымать... Область воспоминаний – область тайная и интимная. Сюда нельзя вводить каждого... Встреча воспоминаний – внезапный толчок, высшая радость» [9, с. 21].

Отдельного абзаца заслуживает брошюра о бельгийском поэте Э. Верхарне³. Э. Верхарн – дитя реки Шельды и побережья Северного моря. Он оказался на поле битвы между германским и латинским мирами, в нем состоялся сплав германской руды с испанским золотом. Отсюда двойственный блеск его таланта и духа. Фламандский поэт передавал свои мысли и чувства средствами французского языка. Неуклюжий, но мощный кузнец слова. Самый мощный поэт, ка-

кого французская поэзия видела со времен Гюго. Но ему неведома латинская четкость; ему не удается вызвать ясную картину своих видений; в нем превалирует гипноз чисто словесного красноречия. Переводы стихотворений Э. Верхарна выполнены в разные эпохи и с разных точек зрения. Трудности перевода вызваны и тем, что Э. Верхарн – поэт неровный – никогда не воплощал свои замыслы до конца. Предваряя переводы, М. Волошин объясняет свою философию обращения с оригиналами. Перевод как документ, отражение бытия чем-то напоминает гипсовый слепок и его лучше делать в прозе. Стихотворный перевод не может быть точным а) по смыслу, б) стилю и в) синтаксису и ритму. Нельзя перевести рифмы, ибо они иррациональны в каждом языке. Различаются в языках инструментовка, метафоры и построение фразы [8, с. 9–10, 17, 75]. Дополнительные аргументы и нестандартные иллюстрации к вечному диалогу о том, как переводить поэтов поэтами. И завершаем этюд о М. Волошине его стихами к Е. И. Дмитриевой:

Меня отныне можно в час тревоги
Перелистать,
Но сохраняя всегда твои дороги
Мою печать... [18, с. 648].

Интимное преобразилось в общедоступное в XXI в.

Константин Дмитриевич Бальмонт (1867–1942) детство провел в окружении любящей семьи и среди сельской идиллии в с. Гумнищи Шуйского уезда Владимирской губернии. Певец усадебной культуры [20]. Одарен от природы к иностранным языкам (с 5 лет знал французский язык). В зрелом возрасте – полиглот (16 языков, а может быть, и больше). Несостоявшийся студент Московского университета и Демидовского лицея. Непрерывное самообразование в кругосветных путешествиях. Первый сборник стихов издан в Ярославле (1890). Автор 35 сборников стихов, 20 книг прозы (статьи и комментарии). Кумир целого поколения читателей в 1895–1904 гг. На формирование этой незаурядной личности оказали благотворное влияние писатель В. Г. Короленко, профессор Н. И. Стороженко, князь А. И. Урусов. В Европе с 1896 г. Многие годы прожил в Париже (с 1902 г.). Вынужденная эмиграция. С 1936 г. тяжело болен. Умер в нищете от воспаления легких. На могильной плите краткая надпись на французском: «Constantin Balmont, poete russe». В последний путь его провожали в декабрьский дождь немногие (Б. Зайцев, Ю. Терапиано). Последнее издание в

Советской России датируется 1921 г., затем длительное замалчивание его творчества и редкие издания в Европе (20–30-е гг.). Справедливость к поэту восторжествовала лишь на закате перестройки, с изданием сборника его стихов под редакцией Е. В. Ивановой (М.: Сов. Россия, 1989, 522 с.). Рекордным оказался 1990 год: составители, авторы вступительной статьи и комментариев Д. Г. Макогоненко, А. Романенко, П. В. Куприяновский и Н. В. Молчанова (Ярославль). Эстафету приняли в XXI в. провинциальные издательства (например, в Иваново и Шуе) и серия ЖЗЛ (2014).

Французский след в творчестве К. Бальмонта (с точки зрения анализа повседневности), к удивлению, относительно невелик. Объяснение этого экзистенциального парадокса отнюдь не представляется легким. Конечно, имели место бытовые контакты русского парижанина с соседями по кварталу Пасси и в Бретани (деревушка Капбретан). Но в корпусе его публикаций и в воспоминаниях современников изредка мелькают сообщения о встречах и беседах с представителями элиты Франции. И лишь в брошюре «Где мой дом?» (очерки 1920–1923 гг.) обнаруживаем беглые зарисовки Парижа и поведения его жителей на фоне нескрываемой тоски по России. Они (замечания вскользь) не претендуют на долгую память. Снег в Париже: «Лица проходящих женщин дышат торжеством, точно это они набросили подвенечную вуаль на зримое. ... Но снег не для парижан (этот наряд недолгий). Белая Москва... Моя мысль уходит далеко» [7, с. 4]. Из очерка «Факел в ночи»: «Я живу среди чужих. Люблю этот красивый город, независимо от его теперешних жителей. Жители – приветливые, умные, совсем не обремененные и не обременяющие собой иностранца. Я жил в Париже годы» [7, с. 7]. И еще откровенная исповедь: «Беседы с парижскими друзьями (санскритолог, знаток Египта, 2–3 французских поэта). Беседы учтивые и умные. Когда за мной закроется дверь, совсем не резко и не громко закроется дверь, то в ту же минуту я услышу в душе, что в этой моей тоскливой душе захлопнулись целые ворота? Между нами не может быть настоящего разговора, ибо нет соучастия души. Между нами океанская буря разнородности. Но не нужен я парижанам ни за чем. А нужны ли они мне, об этом я умолчу, из скромности и вежливости» [7, с. 8–9]. В очерке «Весна» гласный протест против автомобилизации Парижа: «...нигде в Париже не спасешься от мерзостного автомобильного гудка. ... Я люблю Париж давней преданной любовью. Но, говоря о Париже, я всегда разумею тот прежний Париж,

который я узнал 25 лет тому назад. ... Париж ранее любил и шум, и тишь, Париж любил коня, лошадь. ... Машина – от человека, и еще от Дьявола» [7, с. 37–38]. Без комментариев.

В истории Серебряного века К. Бальмонт известен как оригинальный и масштабный переводчик. С завидной регулярностью его переводы появлялись на страницах разных газет и журналов, везде, где поэта встречал радушный прием [3, 4]. В первой книге стихов (Ярославль, 1890) около 70 переводов с французского и немецкого: Сюлли-Прюдом (1839–1907), А. де Мюссе (1810–1857), Г. Гейне (1797–1856) и др. В последующих сборниках поэзии К. Бальмонт увлеченно переводил Шарля Бодлера (5 стихов), самый знаменитый из них – «Смерть влюбленных» (1900)⁴. Список переводимых французских поэтов в дальнейшем расширялся: Вильс де Лиль-Адам, П. Верлен, С. Малларме, А. Рембо. В стихах А. Рембо переводчик ищет соответствие между звуком и смыслом. К. Бальмонт критичен в отношении французской поэзии: все, что было создано гениального в области символической поэзии XIX в., за немногими исключениями, принадлежит англичанам, американцам, скандинавам, не французам. Слава Верлена и Малларме преувеличена; в литературе они занимают место неподобающее... Бодлер развил некоторые мысли, которые Эдгар По не успел высказать или не имел возможности договорить, придал символизму особую окраску (декадентство) [5, с. 264–267] (Из лекции для русских в Латинском квартале (1900).

Из общего критического настроения К. Бальмонта к французским поэтам выпадает анализ сонета Бодлера «Смерть влюбленных». Мотивы решения – вместе умереть (мы этого не знаем). Смерть влюбленных всегда окутана тайной. Они устали жить или им нельзя больше жить. К. Бальмонт восхищен нежным драматизмом этой скрытой поэмы: отцветающие растения, тускнеющие зеркала, умолкающие ощущения [5, с. 269–270].

К. Бальмонт никогда не отказывался от своего кредо (я верую): поэзия – это волшебство. И последнее напутствие для читателей: «Если вы любите непосредственные впечатления, наслаждайтесь в символизме свойственными ему новизной и роскошью картины. Если вы любите впечатлительное сложное, читайте между строк – тайные строки выступают и будут говорить с вами красноречиво» [5, с. 280].

Французский след в творчестве К. Бальмонта, безусловно, присутствует; его непозволительно игнорировать или умалять, как это делал

В. Брюсов, друг-враг в турбулентном Серебряном веке. Но очевидно и другое – в эмиграции русский европеец тосковал по Москве, своей усадьбе, России. Вспомним его послания из Парижа: «Москва в Париже» (Во сне белые птицы) и «Ночной дождь»:

Я вспоминал. Младенческие годы,
Деревню, где родился и я рос.
Мой старый сад. Речонки малой воды,
В огнях цветов береговой откос.

[Цит. по: 5, с. 11].

Завершаем этюды о поэтической дуополии – М. Волошин и К. Бальмонт. Что они дают для культурологии и ее инструментация в виде «кейсов» по странам и авторам?

Символизм в поэзии рубежа XIX–XXI вв. и близкие ему понятия (модернизм, импрессионизм) – течения (ветви) общемировые, имевшие ранние истоки, корифеев и поздних последователей в США (Э. По), Великобритании (П. Шелли), во Франции (Ш. Бодлер) и еще множество неназванных имен.

Общий хронотоп в Париже начала XX в. не смог нивелировать различия творческих стилей; М. Волошин – «вне течений»; К. Бальмонт афишировал свою принадлежность к символизму (в широком самоопределении) [1, 17].

Восприятие зарубежной культуры – видимо, почти всегда структурированное (повседневность, образы, переводы, «свои» и «чужие»), с уникальным сочетанием идеально-риторического и заземленного [15].

Обнаружен разительный контраст в тональности восприятия текущего и бывшего своей жизни в Париже. В Крыму М. Волошин не подавлял и не радужных воспоминаний о Париже и не отрекался от них. В эмиграции К. Бальмонт временами возрождался к активной жизни памятью о малой родине, Москве, России. ...Информация к размышлениям и дальнейшим поискам.

Библиографический список

1. Бахтин, М. М. Собр. соч. Т. 2 [Текст] / М. М. Бахтин. – М. : Рус. слово, 2000. – С. 301–303 / 800.
2. Бальмонт, К. Д. [Текст] / К. Бальмонт / сост., вст. ст. и прим. Е. В. Ивановой. – М. : Сов. Россия, 1989. – 592 с.
3. Бальмонт, К. Д. Избранное: стихотворения, переводы, статьи [Текст] / К. Бальмонт. – М. : Правда, 1990. – 608 с.
4. Бальмонт, К. Д. Золотая россыпь. Избранные переводы [Текст] / К. Бальмонт. – М. : Сов. Россия, 1990. – 320 с.

5. Бальмонт, К. Д. Созвучные песни. Сочинения [Текст] / К. Бальмонт. – Ярославль : Верхне-Волжск. кн. изд-во, 1990. – 336 с.

6. Бальмонт, К. Д. Собр. соч. в двух томах [Текст] / К. Бальмонт. – Можайск : Терра, 1994. – 832 с.

7. Бальмонт, К. Д. Где мой дом? Очерки (1920–1923) [Текст] / К. Бальмонт. – М. : Библ. Огонька № 9, 1991. – 47 с.

8. Волошин, М. Верхарн. Судьба. Творчество. Переводы [Текст] / М. Волошин. – М. : изд. Творчество, 1919. – 80 с.

9. Волошин, М. А. Автобиографическая проза. Дневники [Текст] / М. А. Волошин / сост. З. Д. Давыдов, В. П. Купченко. – М. : Книга, 1991. – 416 с.

10. Волошин, М. А. «Парижа я люблю осенний, строгий плен» [Текст] / М. А. Волошин. – М. : Вагриус, 2008. – 592 с.

11. Волошин, М. А. Путник по вселенным [Текст] / М. А. Волошин. – М. : Сов. Россия, 1990. – 380 с.

12. Волошин, М. Стихотворения. Статьи. Воспоминания современников [Текст] / М. Волошин. – М. : Правда, 1991. – 416 с.

13. Воспоминания о Серебряном веке [Текст] / сост., авт. предисл. и коммент. В. Крейд. – М. : Республика, 1993. – С. 379–388/559.

14. Воспоминания о Волошине [Текст] / сост. и коммент. В. П. Купченко, З. Д. Давыдов. – М. : Сов. писат., 1980. – 718 с.

15. Ерохина, Т. И. Личность и текст в культуре русского символизма [Текст]: монография / Т. И. Ерохина. – Ярославль : Изд-во ЯГПУ, 2009. – 330 с.

16. Купченко, В. П. Жизнь Максимилиана Волошина [Текст] / В. П. Купченко. – СПб. : изд. Звезда, 2000. – 400 с.

17. Куприяновский, П. В., Молчанова, Н. А. Бальмонт [Текст] / Павел Куприяновский, Наталья Молчанова. – М. : Мол. гв., 2014. – С. 347.

18. Мескин, В. А. История русской литературы «серебряного века» [Текст]: учебник для бакалавров / В. А. Мескин. – М. : Юрайт, 2015. – 386 с.

19. Пинаев, С. М. Максимилиан Волошин, или Себя забывает бог [Текст] / С. М. Пинаев. – М. : Мол. гв., 2005. – 661 с.

20. Хмара, Д. Н. «Произведение места»: культурное пространство усадьбы Гумницы (по произведениям Бальмонта) [Текст] / Д. Н. Хмара. – Ярославский педагогический вестник. – 2016. – № 3. – С. 315–319.

Bibliograficheskijs spisok

1. Bahtin, M. M. Sobr. soch. T. 2 [Tekst] / M. M. Bahtin. – M. : Rus. slovo, 2000. – S. 301–303 / 800.
2. Bal'mont, K. D. [Tekst] / K. Bal'mont / sost., vst. st. i prim. E. V. Ivanovoj. – M. : Sov. Rossiya, 1989. – 592 s.
3. Bal'mont, K. D. Izbrannoe: stihotvoreniya, perevody, stat'i [Tekst] / K. Bal'mont. – M. : Pravda, 1990. – 608 s.

4. Bal'mont, K. D. Zolotaja rossyp'. Izbrannye perevody [Tekst] / K. Bal'mont. – M.: Sov. Rossija, 1990. – 320 s.

5. Bal'mont, K. D. Sozvuchnye pesni. Sochinenija [Tekst] / K. Bal'mont. – Jaroslavl': Verhne-Volzhs. kn. izd-vo, 1990. – 336 s.

6. Bal'mont, K. D. Sobr. soch. v dvuh tomah [Tekst] / K. Bal'mont. – Mozhajsk: Terra, 1994. – 832 s.

7. Bal'mont, K. D. Gde moj dom? Oчерки (1920–1923) [Tekst] / K. Bal'mont. – M.: Bibl. Ogon'ka № 9, 1991. – 47 s.

8. Voloshin, M. Verharn. Sud'ba. Tvorchestvo. Perevody [Tekst] / M. Voloshin. – M.: izd. Tvorchestvo, 1919. – 80 s.

9. Voloshin, M. A. Avtobiograficheskaja proza. Dnevnik [Tekst] / M. A. Voloshin / sost. Z. D. Davydov, V. P. Kupchenko. – M.: Kniga, 1991. – 416 s.

10. Voloshin, M. A. «Parizha ja ljublu osennij, strogij plen» [Tekst] / M. A. Voloshin. – M.: Vagrius, 2008. – 592 s.

11. Voloshin, M. A. Putnik po vseleennyj [Tekst] / M. A. Voloshin. – M.: Sov. Rossija, 1990. – 380 s.

12. Voloshin, M. Stihotvorenija. Stat'i. Vospominaniya sovremennikov [Tekst] / M. Voloshin. – M.: Pravda, 1991. – 416 s.

13. Vospominaniya o Serebrjanom veke [Tekst] / sost., avt. predisl. i komment. V. Krejtd. – M.: Respublika, 1993. – S. 379–388/559.

14. Vospominaniya o Voloshine [Tekst] / sost. i komment. V. P. Kupchenko, Z. D. Davydov. – M.: Sov. pisat., 1980. – 718 s.

15. Erohina, T. I. Lichnost' i tekst v kul'ture russkogo simvolizma [Tekst]: monografija / T. I. Erohina. – Jaroslavl': Izd-vo JaGPU, 2009. – 330 s.

16. Kupchenko, V. P. Zhizn' Maksimiliana Voloshina [Tekst] / V. P. Kupchenko. – SPb.: izd. Zvezda, 2000. – 400 s.

17. Kuprijanovskij, P. V., Molchanova, N. A. Bal'mont [Tekst] / Pavel Kuprijanovskij, Natal'ja Molchanova. – M.: Mol. gv., 2014. – S. 347.

18. Meskin, V. A. Istorija russkoj literatury «serebrjanogo veka» [Tekst]: uchebnyj dlja bakalavrov / V. A. Meskin. – M.: Jurajt, 2015. – 386 s.

19. Pinaev, S. M. Maksimilian Voloshin, ili Sebja zabyvaet bog [Tekst] / S. M. Pinaev. – M.: Mol. gv., 2005. – 661 s.

20. Hmara, D. N. «Proizvedenie mesta»: kul'turnoe prostranstvo usad'by Gumnishhi (po proizvedenijam Bal'monta) [Tekst] / D. N. Hmara. – Jaroslavskij pedagogičeskij vestnik. – 2016. – № 3. – S. 315–319.

¹ Страсть к путешествиям Макс Волошин объяснял по-разному и на протяжении всей творческой жизни. Его первая миссия изложена стихами:

Пройти по всей земле горящими ступнями
Все воспринять – и снова воплотить! (1903).

Второй доминирующий мотив скрыт от дальнего окружения и доверен лишь близким – подготовка к профессии художественного критика (из воспоминаний Марины Цветаевой): И, наконец, самое сокровенное – обретение мудрости: Бродить среди людей. См.: Волошин М. А. Автобиографическая проза. Дневники / сост. З. Д. Давыдов, В. П. Купченко. – М.: Книга, 1991. – С. 343–359/416. Не путать туризм и путешествия настойчиво рекомендует один из авторов «Литературного обозрения» (Париж) Мишель Ле Бри (Vrus). Путешественник перемещает одновременно тело и дух. Вы преодолеваете горизонты заданной идеологии, покидаете привычный контекст, находите неизведанное и неизвестное, проявляете готовность к импровизациям, выдерживаете испытания преградами и трудностями. См.: Le Magazine Littéraire. – 2012, juillet-août. № 521. – P. 48–51.

² Вне основного текста статьи, к сожалению, остались мгновенные впечатления от Парижа: «В Париже история живет» (из письма А. М. Петровой от 13 ноября 1899 г.). С 1906 г. Макс проявляет неуывающий интерес к Революции 1789 г. и ее основным рубежам: взятие Бастилии (14 июля 1789 г.), штурм Тюильри (10 августа 1792 г.), рождение Марсельезы (21 января 1793 г.) и др. Им посвящены отдельные стихотворения, написанные как в Париже, так и в Коктебеле (1917 г.). И финальные строки, навеянные пребыванием в Париже: «Несли года, как клочья белой пены... / Ты жил во мне, меняя облик свой...». Париж, 19 апреля 1915 г. См.: [10, с. 123, 126–130].

³ Брошюра об Э. Верхарне опубликована в 1919 г. (Москва, издана и в Одессе). Э. Верхарн (1855–1916) – одна из жертв Великой Европейской войны. Более 300 поэтов погибли во имя республиканского равенства: художник, мол, ничем не лучше чернорабочего; их (поэтов) ставили застрельщиками при атаках, то есть обрекали на верную гибель. «За визгом оружия и грохотом пушек, – негодует М. Волошин, – мы не заметили этой катастрофы (гибели драгоценности Европы, ее чувство, ее мысль, ее цветок – французское искусство) ... Ее последствия скажутся в 20-х, 30-х гг., когда мечта Европы окажется лишенной крыльев, а мозг обескровленным». Последняя встреча М. Волошина с Э. Верхарном состоялась в марте 1910 г., накануне отъезда из Парижа, в музее Тиме (зал буддийского искусства) при осмотре статуи из дерева – Дхарма. См.: [8, с. 5, 7].

⁴ Поэт К. Бальмонт нашел свое видение шедевра Ш. Бодлера «Смерть влюбленных» (1847):

Постели, нежные от ласки аромата,
Как жадные гробы, раскроются для нас,
И странные цветы, дышавшие когда-то
Под блеском лучших дней, вдохнут в последний раз.

[4, с. 237]

Постели и гробы; отцветающие растения; два братских зеркала, где прошлое почил; сердца созвучны, заплавав, сблизят нас; умирающие начинают дышать прошлым – таков неполный перечень поэтических образов, сочетаний слов и звуков. Любовь сильнее смерти. Первая любовь умирает от соприкосновения с действительностью. Философский финал и поэтическое потрясение от оригинала и перевода.